

И.М. Линдер

Москва,
историк шахмат, литератор

И.С. Тургенев и шахматы

Предложенная нами тема, возможно, неожиданна. Жизнь и творчество И.С. Тургенева были настолько сложны и многогранны, что можно усомниться в целесообразности даже простого упоминания шахматной игры...

Тем не менее еще в 1960-е годы, после издания моей книги «Толстой и шахматы» (Москва, 1960), я захотел что-то подобное написать о Тургеневе и показать на фоне всей жизни писателя, сколь необычную и благоприятную роль сыграли в ней шахматы.

Естественным было тогда, в поисках новых материалов на тему «Тургенев и шахматы», мое обращение к известному французскому тургеноведу, профессору Парижского университета Андре Мазону (1881–1967) с вопросом: сохранились ли в парижском архиве писателя шахматные записи? Увы, ответ был отрицательным. «К сожалению, нам кажется, — писал мне 3 марта 1961 года профессор Мазон, — что никто не располагает в настоящее время достаточными данными, чтобы написать даже небольшую статью об игре Тургенева в шахматы. Имеются некоторые отрывочные указания, что действительно Тургенев временами играл в шахматы, но, однако, ничего существенного, что заслуживало бы особого внимания для изучения».

Такое заключение было, однако, ошибочным. Интересные факты, касающиеся Тургенева, встречались еще в первом русском шахматном журнале, выходившем в Петербурге в 1859–1963 годах, и в зарубежной шахматной периодике тех лет. Бесценными оказались «шахматные» вкрапления в богатом эпистолярном наследии писателя и в отдельных его художественных произведениях. Но особенно много мне дало изучение хорошо сохранивших-

ся в библиотеке орловского музея И.С. Тургенева нескольких шахматно-теоретических монографий и годовых комплектов шахматных журналов, испещренных карандашными пометками писателя и потому весьма ценных для представления о методах его шахматного совершенствования. А также в печати было опубликовано несколько тургеневских партий и окончаний.

Первые итоги своих исследований я опубликовал в ряде статей. Ознакомление с ними убедило академика Михаила Павловича Алексеева (1896–1981), кстати, тоже читавшего мою книгу о Толстом, в том, что подобная работа о Тургеневе не только возможна, но и может способствовать углублению нашего представления о его жизни и творчестве. В письме ко мне из Ленинграда от 24 апреля 1969 года он писал: «Не сомневаюсь, что книга “Тургенев и шахматы” также получится у Вас очень интересной, поскольку Вы превосходно знаете весь относящийся к теме материал».

Увы, обстоятельства оказались сильнее моих желаний и, кроме отдельных первых глав, я так и не осуществил задуманного. Тем не менее у меня сложилось четкое представление о, если так можно выразиться, «шахматном пути» писателя, и о том, какое влияние оказали шахматы на саму жизнь «великого русского скитальца», и, наконец, о влиянии этой игры на его литературное творчество.

Прежде всего, предельно кратко представлю «шахматную биографию» Тургенева. Оказывается, он еще в детстве увлекся этой игрой — под влиянием, возможно, отца и уж точно — домашнего учителя и горячего любителя шахмат П.Т. Кудряшова. Но, во всяком случае, как писал Тургенев в лирическом отступлении в повести «Несчастливая», во многом навеянной воспоминаниями юности: «Я с ранних лет пристрастился к шахматам, о теории не имел понятия, а играл недурно»¹. Там же Тургенев рассказал, что, будучи студентом Московского университета, он впервые приобщился к шахматной теории. О дальнейших шагах в этом направлении можно догадаться, знакомясь с шахматными книгами и журналами, хранящимися ныне в орловском музее. Первыми книгами, приобретенными и проштудированными Тургеневым, оказались учебник австрийского шахматиста Иоганна Альгайера (7-е изд. Вена, 1841) и классический труд петербургского мастера Карла Андреевича Яниша «Новый анализ начал шахматной игры», вышедший на французском языке в 2-х томах (1842–1843 гг.). Эти книги несколько лет служили Тургеневу хорошей лоцией в

море дебютных вариантов, помогали ему значительно усилить игру, выработать методику чтения шахматной литературы.

Но особенно много довелось Тургеневу заниматься теорией шахмат в 1852 и 1853 годах, когда он по распоряжению царя был сослан в Спасское под надзор полиции. Иногда приезжали к нему жившие неподалеку друзья и знакомые, среди которых были и большие любители шахмат — братья Елисей и Дмитрий Колбасины, владелец имения Новоселки Иван Петрович Борисов и др. Здесь Тургенев внимательно изучал и приобретенное им 2-е издание немецкого фолианта «Хандбух» Бильгера и Лаза (1852). Насколько дорожил он этой книгой, свидетельствует автограф «Ив. Тургенев» на титульном листе и вытисненные золотом инициалы писателя на кожаном корешке.

Большой интерес проявлял Тургенев и к шахматной периодике. В его библиотеке были немецкий журнал «Шахцайтунг» за 1850 и 1853 годы, а также английский журнал «Чесс плеерс кроникл» за 1853 год. По «Хандбуху» и по этим журналам можно проследить, как постепенно усиливалась игра самого Тургенева. Ибо рядом с партиями, просмотренными им, имелись карандашные пометки «+», «!», «?», «N.B.», а порою и отдельные замечания. 140 партий были отмечены Тургеньевым в «Шахцайтунг» за 1853 год. Столько же партий изучено им в английском журнале. Таким был шахматный баланс «спасского уединения».

29 июня 1853 года Иван Сергеевич писал из Спасского писателю С.Т. Аксакову: «Знаете ли Вы, в чем состоит главное мое занятие? Играю в шахматы с соседями или даже один, разбираю шахматные игры по книгам. От упражненья я достиг некоторой силы. Также много занимаюсь музыкой...»²

После ссылки Тургенев жил большей частью в Петербурге или за границей. В середине 1850-х годов и позднее ему доводилось играть с литератором Е.Я. Колбасиным, писателем Львом Толстым и его братом Николаем, с поэтом и драматургом А.К. Толстым и поэтом Я.П. Полонским.

Будучи в Петербурге, Иван Сергеевич часто посещал шахматный клуб (или, как он назывался, — Общество любителей шахматной игры), открывшийся в 1853 году. Постоянное членство в нем он оформил два года спустя. Там Тургеневу довелось познакомиться и, можно сказать, подружиться с русскими мастерами Ильей Шумовым, Карлом Янишем и Дмитрием Урусовым. В журнале «Шахматный листок» за 1860 год было опубликовано ранее игранное окончание партии между Тургеньевым и Шумо-

вым. О том, что у Тургенева навсегда сохранились дружеские отношения с ним, свидетельствуют такие факты, как публикация в книге Шумова под названием «Собрание скахографических и других шахматных задач» (СПб., 1867) пятиходовой шахматной композиции на обратный мат, посвященной Тургеневу, и обнаруженный век спустя экземпляр этой книги с дарственной надписью: «Ивану Сергеевичу Тургеневу в знак уважения. И. Шумов».

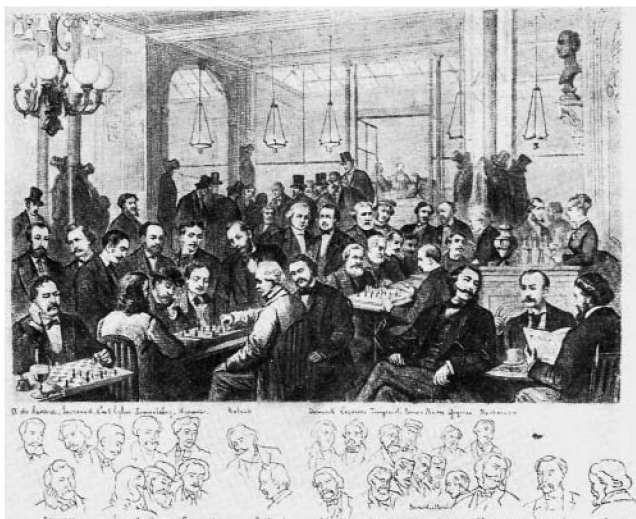
Не раз, наверно, играл Иван Сергеевич и с другим петербургским мастером — Дмитрием Семеновичем Урусовым. В письме писателя И.П. Борисову от 24 декабря 1869 года (5 января 1870 года) есть такие строки: «Скажите Урусову, что я очень рад тому, что он дружелюбно принял мой подарок; значит, он меня помнит. Скажите ему также, что я от шахматов совсем отстал...» (2, П., X, 107).

Знаменательными для «шахматных походов» Тургенева были и многие западноевропейские центры: Париж, Рим, Баден-Баден. В конце 1857 года Тургенев приехал в Рим и жил там безвыездно до середины февраля 1858 года. В письмах из Италии он пишет о своем очаровании Вечным городом, окончании повести «Ася», долгих спорах с русскими художниками о будущем искусства, размышлениях о приближающемся 40-летию. И только одна подробность пребывания Тургенева в Риме выпала из них: то были встречи за шахматной доской с сильнейшим итальянским и одним из сильнейших в Европе мастеров Серафино Дюбуа. В воспоминаниях, опубликованных много лет спустя в шахматном журнале «Ривиста скаккистика Италиана» Дюбуа, характеризуя шахматную жизнь Рима за 1858 год, пишет: «В этом году мы имели визиты разных достойных любителей шахматной игры, среди которых назовем первым из всех знаменитого русского романиста Тургенева, с которым в кафе Антонини я сыграл много партий, давая вперед пешку и ход»³.

Немало способствовал Тургенев развитию русско-французских шахматных связей. Живя долгое время (с перерывами — почти четверть века!) в Париже, он был частым посетителем знаменитого кафе «Режанс», где собирались французские и зарубежные шахматисты. Здесь ему доводилось играть с парижскими мастерами Мобаном, Арну де Ривьером, сильным немецким мастером Г. Нейманом и другими видными шахматистами. Тургенев был хорошо знаком и с такими корифеями шахмат, как Морфи, Андерсен, Гаррвиц, Колиш, будущий первый чемпион мира Стейниц.

Начало 60-х годов было порой наиболее интенсивной игры Тургенева в кафе «Режанс». В 1861 году он встретился здесь в матче с Владиславом Мачуским, польским мастером, эмигрировавшим во Францию. Здесь Мачуский удивлял парижан искусством игры вслепую, ведя одновременно до 10 партий, редактировал совместно с Журну шахматный журнал. Матч между Тургеневым и Мачуским предполагался сначала из 11 партий, но был прерван после 6 встреч и закончился для писателя с результатом +1, -3, =2. Приведа одну из них, выигранную Тургеневым, журнал «Нувель режанс» заметил, что она от начала до конца мастерски играна русским писателем. Эта красивая партия показывает, что французские шахматисты неслучайно называли Тургенева за его искусную игру слонами «Рыцарь слона». Вполне подтверждает она и воспоминания одного из современников Тургенева, отмечавшего, что русский писатель считался в кафе «Режанс» «одним из европейских бойцов».

Об успехе писателя в одном крупном турнире журнал «Шахматный листок» писал в 41-м номере (1862, с. 109): «Посетители Café de la Régence в числе шестидесяти четырех составили недавно шахматный турнир; первый приз достался Ривьеру, второй — Ив. Сер. Тургеневу».

Шахматисты в парижском кафе «Режанс». 4-й справа — И.С. Тургенев. Гравюра Л. Шапона с рис. С. Орсен-Деона

Высоким авторитетом пользовался писатель и в кругах немецких мастеров, свидетельством чему явилось избрание его вице-президентом первого в истории Германии международного шахматного турнира в Баден-Бадене в 1870 году.

Такова вкратце «шахматная биография» Тургенева. Здесь мы, конечно, не коснулись тех нервных переживаний (Иван Сергеевич, как свидетельствуют современники, очень переживал поражения) и того эстетического удовольствия, которое он получал, играя сам или наблюдая за игрой мастеров. К.П. Ободовский вспоминает: «Об этой игре он говорил с увлечением. Помню раз, как он описывал игру какого-то корифея шахматной игры. “Он не играет, — воскликнул Иван Сергеевич, — он точно узоры рисует. Совершенный Рафаэль!”»⁴ Тургенев не только с наслаждением наблюдал за игрой прославленных мастеров. Он и сам испытывал в процессе шахматной борьбы такие же чувства. «С истинным удовольствием мечтаю о том, как мы сразимся в шахматы с Вами на Вашей террасе», — писал он И.П. Борису 28 января 1865 года из Парижа (2, П., VI, 98).

Отсюда понятно, почему Тургенев так высоко оценивал круг людей, увлеченных волшебным миром шахмат. Так, 1 июня 1860 года он писал поэту А. Фету: «Это хорошо, что Вы поступили в благородный цех шахматистов; лучшего учителя, чем Иван Петрович, Вам не нажать» (2, П., VIII, 96).

Ко всему перечисленному я хотел бы добавить еще одно — и тоже весьма существенное — достоинство шахмат, отмеченное еще Львом Толстым: «За игрой мы отдыхаем от работы и *забываем о своих невзгодах*»⁵ (курсив наш. — *И.Л.*).

Действительно, играя серьезную шахматную партию, человек переживает удивительную палитру чувств — надежду и отчаяние, восторг и разочарование, но в то же время способен полностью отвлечься от душевной боли, жизненных стрессов и отрицательных эмоций... А у Тургенева этих душевных мук, с молодых лет до конца жизни, было предостаточно. И самой главной, буквально сжигающей его изнутри, стала любовь к французской певице Полине Виардо, еще до него обретшей семейное счастье. Размышляя в канун своего 40-летия, писатель приходит к выводу, что не смотря ни на что любит «ее больше, чем когда-либо, и больше, чем кого-нибудь на свете» (2, П., III, 180). В этом он признался Л.Н. Толстому. А в другом письме — А.В. Дружинину — столь же откровенно подчеркнул, что это вынуждает его вести «цыганскую

жизнь — и не свить мне, видно, гнезда нигде и никогда!» (2, П., III, 158–159).

И вот в этой на первый взгляд, безысходной ситуации Тургенев находит забвение в... шахматах! Туда, в парижское кафе «Режанс», приходит он изо дня в день и забывает — пусть на время! — о том, что находится, как выразился в письме к Н.А. Некрасову — «на краюшке чужого гнезда» (2, П., III, 251). Иногда, правда, он повторял: — «Придет час, придет случай — и прекрасно» (2, П., IV, 221).

Такой случай, как известно, так и не представился русскому скитальцу. До конца дней оставался он верным своему чувству и исполненным рыцарского благородства в отношении к Полине Виардо и ее семье.

Но, как и прежде, вопреки всему Тургенев продолжал плодотворно трудиться на литературном поприще, и на огромном европейском пространстве не только обрел славу великого русского художника слова, но и стал другом и учителем ряда известных, прежде всего французских, писателей.

До последних дней не забывал Тургенев о шахматах. И в его письмах, и в его художественных произведениях в той или иной связи порою речь шла об этой игре. Уже в одном из его ранних произведений — поэме «Андрей» (1846) упоминается шахматная игра для характеристики времяпрепровождения героев:

Они гуляли много по лугам
И в роще (муж, кряхтя, тащился следом),
Читали Пушкина по вечерам,
Играли в шахматы перед обедом...⁶

Небольшой диалог об играх, во время которого шахматы противопоставляются шашкам как более трудная игра, имеется в повести «Затишье» (1854).

Более пространные шахматные эпизоды встречаются в двух позднейших произведениях Тургенева — повести «Несчастливая» (1869) и рассказе «Пожар на море» (1883).

В повести дважды говорится пространно о шахматах. В первом случае автор рассказывает о своем посещении московской кофейни и о поражениях в состязании с одним сильным шахматистом, который рекомендовал ему заняться изучением шахматной теории. В другой раз писатель изображает пылкое объяснение в любви героев повести Сусанны и Мишеля во время шахматной партии. Сцена игры влюбленной пары в шахматы в этой повес-

ти — одна из самых замечательных в мировой литературе. Начавшаяся было партия героини с заболевшим возлюбленным внезапно прерывается бурной сценой объяснения:

«— Вы умеете играть в шахматы или в шашки? — спросил меня он однажды.

— В шахматы немного умею, — отвечала я.

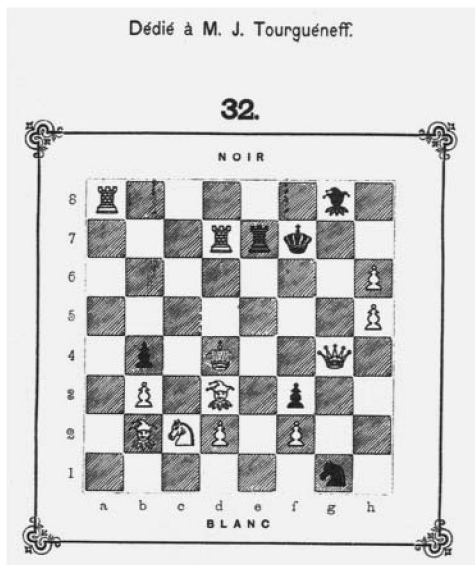
— Ну и прекрасно. Велите принести доску и придвиньте столик.

Я уселась возле дивана, а сердце моё так и замирало, и не смела я взглянуть на Мишеля... <...>

Я стала расставлять шашки (т.е. фигуры. — *И.Л.*)... Пальцы мои дрожали.

— Я это... не для того, чтоб играть с вами... — проговорил вполголоса Мишель, тоже расставляя шашки, — а чтобы вы были ближе ко мне.

Я ничего не ответила и, не спрося, кому начать, ступила пешкой... Мишель не отвечал на мой ход... Я посмотрела на него. Слегка вытянув голову, весь бледный, он умоляющим взглядом указывал мне на мою руку...

И.С. Шумов. 5-ходовая кипергань — шахматная задача, посвященная И.С. Тургеневу.

1867

1. ♖c4 + ♚f6
2. ♚d3 + ♜e5
3. ♜f8 + ♗f7
4. ♗d4 ♞e2(h3)
5. ♜f4 + ♞xf4#

Поняла ли я его — не помню, но что-то мгновенно, вихрем закружилось у меня в голове... В замешательстве, едва дыша, я взяла ферзь, двинула ею куда-то через всю шашечницу. Мишель быстро наклонился и, поймав губами и прижав мои пальцы к доске, начал целовать их безмолвно и жадно...»⁷

Известно, что Тургенев, намечая канву произведения, обычно представлял заранее героев, их характеры и привычки. А как явствует, например, из набросков плана и «формулярного списка» незаконченной «Новой повести», писатель намеревался в ней даже изобразить нравы знаменитого кафе «Режанс»: «Ипполит Иванович Травин... Жил не слишком открыто и в карты не играл (в шахматы любил)»; «Деметрио Мональдески... Познакомился с Прейсом за шахматной игрой (в Café de la Régence)» (2, П., XI, 221–222; 230, 232).

Мало кто, вероятно, обращал внимание, что в романе «Отцы и дети» во время спора представителей двух поколений о смысле жизни (глава X) нигилистическая реплика Базарова — «И все-таки это ничего не доказывает» — была поддержана его молодым другом Аркадием Кирсановым в чисто шахматном «боевом духе»: «Именно ничего не доказывает, — повторил Аркадий с уверенностью опытного шахматного игрока, который предвидел опасный, по-видимому, ход противника и потому нисколько не смутился» (1, С., VIII, 244).

Характерно восклицание Ивана Сергеевича «Люди — пешки!» в его письме к Полине Виардо от 2 (14) сентября 1850 года: «Я не знаю ничего торжественнее журавлиного крика, который, кажется, падает вам на голову с облаков. Этот крик раскатист, звучен, могуч и очень меланхоличен. Он как будто говорит вам: “прошайте, жалкие маленькие пешки-люди, вы, которые не можете передвигаться с места на место; мы летим на юг, туда, где теперь будет хорошо и тепло. Вы же оставайтесь в снегах и в нищете!..” Терпение!» (1, С., I, 502–503). (Конечно, точнее было бы написать «люди-пешки», ибо речь шла о людях в роли пешек. Но еще больший упрек здесь можно было бы сделать в адрес другого переводчика, который в последнем издании полного собрания сочинений Тургенева в «порядке уточнения» перевода вместо «пешки-люди» употребил выражение «жалкие людишки» — см.: 2, П., II, 358.)

Не раз писатель испытывал потребность обратиться к шахматным аналогиям и при характеристике каких-либо политически

острых ситуаций и событий. Например, неожиданное военно-шахматное сравнение было сделано писателем под свежим впечатлением от двух событий — поражения французской армии в Франко-прусской войне 1870 года и окончания первого в истории Германии международного шахматного турнира в Баден-Бадене. В своей корреспонденции о войне, направленной 9 августа в газету «С.-Петербургские ведомости», Иван Сергеевич писал, что «...план генерала Мольтке приводится в исполнение с истинно математической точностью, как план какого-нибудь отличного шахматного игрока, например, Андерсена (тоже пруссака), который, замечу кстати, выиграл здесь матч против самых сильных шахматных игроков...» (2, С., X, 312).

А в письме П.В. Анненкову из Парижа от 28 декабря 1878 года (9 января 1879 года) Тургенев прибегает к яркому шахматному обороту, сравнивая либерального французского деятеля Гамбетту с мастером, который способен на «политической шахматной доске» отстоять натиск реакционных сил: «Из России вести все неутешительнее... Но зато — какова здесь победа?.. Смертельный удар нанесен бонапартизму. Это главное. Но рука Гамбетты все еще нужна: без этого мастера шахматной игры республика может еще получить мат» (1, П., XII, 412).

А сейчас позволю себе экскурс в другую область тургеневского дарования — рисование вымышленных портретов, под которыми следовала литературная импровизация. Профиль, нарисованный 29 января 1865 года, имеет следующую тургеневскую подпись: «Археолог, очень образованный, очень суровый. Очень сдержанный. Натура одинокая и печальная; пережил сильные и глубокие огорчения. Античной честности; душа возвышенная — но это не делает его счастливее. Никогда не улыбается; говорит медленно и важно. Очень чувствителен, но остерегается это показывать. Любит играть в шахматы»⁸.

Перед нами возникает образ большого обаяния. Каждый новый штрих только увеличивает наши симпатии. И все же Тургеневу кажется, что чего-то недостает в характеристике, и следует заключительное: «Любит играть в шахматы».

Не правда ли — перед нами еще один яркий представитель цеха, названного писателем «благородным», — цеха шахматистов!

На протяжении многих лет шахматы являлись одной из характерных черт жизни И.С. Тургенева, можно сказать, были его alter ego. Изучение тургеневских шахматных материалов, расширяя наше представление о богатстве духовного мира писателя, вместе

с тем приобретает особое значение при взгляде на шахматы как на область культуры. Вся деятельность Тургенева в области шахмат может рассматриваться как часть истории отечественной и мировой шахматной культуры. Не случайно во многих трудах русских и зарубежных авторов, посвященных истории шахматной культуры, фигурирует имя И.С. Тургенева⁹. Ему посвящены отдельные статьи в ряде крупных шахматных энциклопедий, вышедших в последнее время в Италии, Польше и конечно же в России¹⁰. Среди публикаций в зарубежных шахматных журналах обращают на себя внимание статьи известного итальянского историка шахмат и композитора Адриано Кикко (1907–1990) «Иван Сергеевич Тургенев» (Scacco! 1977. № 1), немецкого историка шахмат и коллекционера Рафаэля Эрмантраута (1921–1991) «Друг Германии и шахмат: К столетию со дня кончины Ивана Сергеевича Тургенева» (Rochade. 1983. № 230. S. 28–31) и др.

Во второй из указанных нами публикаций — симпатичный дружеский шарж автора с подписью: «“Отцы и дети” приветствуют И.С. Тургенева!» И кто, как бы вы думали, изображен под крупным портретом писателя? «Отцы» — Ботвинник, Смыслов, Корчной, Петросян, Унцикер и Решевский. А ниже следуют «дети» — Таль, Хьюбнер, Карпов, Каспаров, Лоброн и Фишер.

Неплохая переключка веков, устроенная видным немецким историком шахмат!

И конечно же особой гордостью российских шахматистов явилось создание в городе Орле шахматного клуба имени И.С. Тургенева, клуба, который своей многогранной деятельностью уже ряд лет способствует развитию шахмат в России.

Примечания

- ¹ *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1955. Т. 7. С. 128.
- ² *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем. 2-е изд.: В 30 т. М., 1978–2003. Письма: В 18 т. Т. 2. С. 242. Далее тексты Тургенева, цитируемые по этому изданию, сопровождаются в статье пометами: 2 (номер издания), П. (Письма) или С. (Сочинения) и указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).
- ³ *Rivista scacchistica Italiana.* 1901. P. 170.
- ⁴ Исторический вестник. 1893. Февр. С. 365.
- ⁵ *Толстой С.Л.* Лев Толстой — шахматист // Шахматы в СССР. 1940. № 10–12. С. 364.
- ⁶ *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. М., 1961–1968. Сочинения: В 15 т. Т. 1. С. 139. Далее тексты Тургенева,

цитируемые по этому изданию, сопровождаются в статье пометами: I (номер издания), С. (Сочинения) или П. (Письма) и указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

- ⁷ *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1955. Т. 7. С. 181–182.
- ⁸ *Мазон А.* Игра в портреты // Литературное наследство. М., 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 501.
- ⁹ См. об этом: *Линдер И.М.* В гостях у Тургенева // Линдер И.М. Л. Толстой и шахматы. М., 1960. С. 21–25; *Он же.* У истоков шахматной культуры. М., 1967. С. 185–189; *Он же.* Тургенев // Они играли в шахматы. М., 1982. С. 18–45; *Он же.* Рыцарь слона (К 190-летию со дня рождения И.С. Тургенева // 64 — шахматное обозрение. 2008. № 10. С. 84–90.
- ¹⁰ См. статьи о Тургеневе в шахматных энциклопедиях: *Chicco A., Porreca G.* Dizionario enciclopedico degli scacchi. Milano, 1971. P. 547; *Litmanowicz W., Giżycki J.* Szachy od A do Z: W 2 t. Warszawa, 1986. Т. 2. S. 1255; *Linder I., Linder W.* Schach — Das Lexikon. Berlin, 1996. S. 337–339; *Линдер И.М.* Я познаю мир: Шахматы: Детская энциклопедия. М., 2002. С. 328–329; *Линдер В.И., Линдер И.М.* Шахматная энциклопедия. М., 2003. С. 259–260.